

БЕЗ ЖАЛОСТИ

Дмитрий Правдин

Дмитрий Pravdin

Без жалости

«Автор»

2026

Pravdin Д.

Без жалости / Д. Pravdin — «Автор», 2026

Париж. Осень. Роскошный особняк на авеню Фош, где за хрустальными стенами живёт человек, который разучился надеяться. Филипп де ла Тур — аристократ, интеллектуал, коллекционер. Четыре года назад парашют разбился о скалы в Альпах, оставив его прикованным к инвалидной коляске. Теперь его мир — это стерильная роскошь, профессиональные сиделки и фантомные боли, которые не лечит даже морфин. Он ненавидит жалость. Он презирает сочувствие. Он просто существует. Дрисс — выходец из парижских гетто, только что вышедший из тюрьмы. Ему нужны деньги, чтобы прокормить семью. Он груб, дерзок и не умеет притворяться. Он приходит на собеседование не за работой, а за подписью для пособия. Они не должны были понять друг друга. Богач и бедняк. Инвалид и здоровяк. Аристократ и уличный парень. Их союз — это не история о спасении. Это история о том, как два сломанных человека научили друг друга жить. По-настоящему. Без жалости.

© Pravdin Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Столкновение миров	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Дмитрий Pravdin

Без жалости

Часть I. Столкновение миров

Глава 1. Клетка из хрусталя

Осень в Париже не приходит внезапно. Она подкрадывается, как вор, который знает, что хозяин дома спит крепким, наркотическим сном. Сначала сереет небо, превращаясь в мокрый асфальт, потом желтеют листья в Люксембургском саду, и, наконец, холод проникает сквозь двойные стеклопакеты моего особняка на авеню Фош, забираясь под кожу, туда, где она еще способна чувствовать.

Я проснулся до будильника. Точнее, мое сознание проснулось. Тело осталось там, где оно было всю ночь: распростертое на гигантской кровати с балдахин, тяжелое, инертное, чужое. Я лежал на спине, глядя в потолок, расписанный фресками в стиле рококо — херувимы, облака, золотая лепнина. Они улыбались мне с той же фальшивой, приторной любезностью, с которой утром войдет Магали, моя ассистентка, чтобы помочь мне «начать день».

Начать день. Какая ирония заключена в этих трех словах. Для большинства людей начало дня — это потягивание, зевота, ощущение тяжести век, поиск тапочек ногой под кроватью. Для меня начало дня — это осознание того, что я заперт.

Моя тюрьма не имеет решеток. Она отделана итальянским мрамором, обставлена антиквариатом восемнадцатого века и пахнет дорогим парфюмом «Le Labo», который я больше не могу нюхать сам, потому что мои обонятельные рецепторы атрофировались вместе с остальными нервами ниже шеи. Моя тюрьма сделана из хрусталя. Прозрачная, сверкающая, недостижимая для тех, кто снаружи, и удушающая для того, кто внутри.

Я попытался пошевелить пальцем левой ноги. Ничего. Ни искры, ни дрожи, ни даже фантомного ощущения движения. Только тишина. Глухая, абсолютная тишина тела, которое превратилось в статую. Врачи называют это травмой спинного мозга на уровне четвертого шейного позвонка. Я называю это предательством. Мое тело предало меня четыре года назад, во время того злополучного полета на парашюте над Альпами, когда порыв ветра оказался сильнее моей самоуверенности. Оно предало меня, оставив разум в ловушке плоти, которая больше не слушается команд.

— Доброе утро, месье Филипп, — раздался голос Магали.

Дверь открылась бесшумно. Магали вошла, неся поднос с кофе и свежей прессой. Она была идеальной сотрудницей: тихая, незаметная, профессиональная. И абсолютно мертвая внутри, когда смотрела на меня.

Я видел этот взгляд тысячи раз. Это не жалость. Жалость была бы проще. Жалость подразумевает эмоцию, участие, пусть и болезненное. Нет, это было нечто худшее. Это было *сострадательное отчуждение*. Они смотрели на меня как на дорогой экспонат в музее, который трогать нельзя, но можно рассматривать с безопасного расстояния, сочувствуя его хрупкости. Они видели во мне не человека, а проблему. Задачу. Объект ухода.

— Кофе, эспрессо, без сахара, как вы любите, — сказала она, ставя чашку на прикроватный столик. Ее глаза скользнули по моему лицу, избегая прямого контакта. Она боялась увидеть в моих глазах то, что я тщательно скрывал: скуку. Смертельную, разъедающую скуку.

— Спасибо, Магали, — произнес я. Голос звучал нормально. Гортань работала, легкие дышали. Единственная часть меня, которая еще принадлежала миру живых. — Кто сегодня на собеседовании?

Магали вздохнула. Едва заметно, но я услышал этот вздох. Он был наполнен усталостью от моей придирчивости. — Трое кандидатов, месье Филипп. Госпожа Дюбуа, медсестра с двадцатилетним стажем. Господин Леруа, бывший военный, специализируется на реабилитации. И... еще один молодой человек. Без опыта, но с рекомендацией от вашего друга.

— Без опыта? — переспросил я, чувствуя легкий укол интереса. В моем мире все имели опыт. Опыт страдания, опыт лести, опыт выживания за счет других. Но опыт жизни? Его не было ни у кого из тех, кто окружал меня последние четыре года.

— Да. Его зовут Дрисс. Он... своеобразен.

— Приведите всех, — сказал я. — Начнем с госпожи Дюбуа.

Магали кивнула и вышла. Я остался один. Тишина вернулась, но теперь она была напряженной, ожидающей.

Я посмотрел в окно. За стеклом шел дождь. Париж под дождем становится серым монохромным рисунком. Деревья теряли последние листья, обнажая черные, скрюченные ветви, похожие на вены на руках старика. Красота увядания. Я всегда любил осень больше, чем весну. Весна требует надежды, требует веры в обновление. Осень же честна. Она говорит: всё кончается. Всё рушится. И в этом есть свое мрачное успокоение.

Мои мысли вернулись к кандидатам. Я знал, чем закончится каждое собеседование.

Госпожа Дюбуа будет говорить о своих дипломах, о курсах паллиативной помощи, о том, как важно поддерживать гигиену и предотвращать пролежни. Она будет смотреть на меня с профессиональной теплотой, за которой скрывается расчет: сколько часов работы, какая оплата, какие льготы. Она будет видеть во мне пациента. Номер в медицинской карте.

Господин Леруа будет говорить о дисциплине, о режиме, о силе воли. Он будет пытаться мотивировать меня, рассказывая истории о других инвалидах, которые «преодолели себя». Он будет видеть во мне проект. Вызов. Еще одну галочку в своем резюме успешного реабилитолога.

А этот Дрисс... Что увидит он?

Я закрыл глаза. В темноте всплыло лицо моей жены, Каролин. Она погибла за год до моего несчастного случая. Рак. Быстрый, жестокий, не оставляющий шансов. Когда она ушла, я почувствовал, что часть моей души оторвалась и улетела вместе с ней. А когда я разбился на парашуте, оторвалась вторая часть. Теперь я был пустым сосудом. Красивым, дорогим, но пустым.

Люди вокруг меня боялись этой пустоты. Они заполняли ее словами, действиями, лекарствами, процедурами. Но никто не осмеливался заглянуть внутрь. Никто не спрашивал: «Филипп, о чем ты думаешь?». Они спрашивали: «Филипп, тебе удобно?», «Филипп, не болит ли голова?», «Филипп, хочешь посмотреть фильм?».

Они обращались со мной как с хрустальной вазой. Хрупкой. Ценной. Бесполезной.

Я ненавидел эту хрустальную клетку. Я ненавидел их осторожные шаги, их шепот, их взгляды, полные скрытого ужаса перед возможностью оказаться на моем месте. Они думали, что защищают меня от мира. На самом деле они прятали мир от меня.

Раздался стук в дверь.

— Можно войти, месье Филипп?

Это была Магали. За ее спиной стояла женщина лет пятидесяти, в строгом сером костюме, с аккуратно убранными волосами и лицом, выражающим готовность служить. Госпожа Дюбуа.

— Проходите, — сказал я.

Она вошла, плавно, бесшумно. Остановилась у ног кровати, сложив руки перед собой. Поза ученицы перед экзаменатором.

— Здравствуйте, месье де ла Тур, — произнесла она мягким, вкрадчивым голосом. — Для меня большая честь быть рассмотренной на эту позицию. Я знаю, насколько важен для вас комфорт и безопасность.

Я изучал ее. Она была хорошей актрисой. Слишком хорошей. Ее улыбка была отретпетирована перед зеркалом. Ее поза выверена инструкцией по этикету для персонала премиум-класса.

— Расскажите мне о себе, мадам Дюбуа, — сказал я. — Не о ваших дипломах. О себе. Что вы любите делать, когда не работаете?

Она моргнула. Вопрос застал ее врасплох. Обычно спрашивают о опыте работы с лежащими больными, о знании медицинских препаратов, о готовности работать в ночные смены.

— Я... я люблю вязать, месье Филипп, — ответила она после паузы. — И читать детективы.

— Детективы, — повторил я. — Почему именно детективы?

— Потому что в них есть порядок, — сказала она, немного расслабившись. — Хаос решается. Вина виновный находится. Справедливость торжествует. В жизни так не всегда бывает.

В ее голосе прозвучала едва уловимая нотка горечи. Интересно. Значит, и у нее есть свои демоны. Но она быстро спрятала их обратно за маску профессионализма.

— А что вы думаете обо мне? — спросил я вдруг.

Она замерла. Глаза расширились. — Простите, месье Филипп?

— Что вы думаете обо мне, когда смотрите на меня? Не как на пациента. Как на человека.

Госпожа Дюбуа покраснела. Она опустила взгляд. — Вы... вы очень сильный человек, месье Филипп. Ваше достоинство вызывает восхищение.

Ложь. Гладкая, полированная ложь. Она думала: «Бедняга. Богатый, красивый, но сломленный. Как трагично. Как неудобно».

— Спасибо, мадам Дюбуа, — сказал я холодно. — Мы свяжемся с вами.

Она вышла, растерянная. Следующим был господин Леруа. Он вошел уверенно, широко шагая, занимая собой пространство. Военная выправка.

— Здравия желаю, месье де ла Тур! — гаркнул он.

Я поморщился. — Добрый день, господин Леруа. Прошу, присаживайтесь.

Он сел на край стула, держа спину прямо. — Я изучил ваше дело, месье Филипп. Травма серьезная, но не безнадежная. Есть методики стимуляции нейронов, есть гидротерапия. Главное — настрой. Вы должны захотеть двигаться. Даже если мышцы не слушаются, мозг должен давать команду.

— Мой мозг дает команды постоянно, господин Леруа, — тихо сказал я. — Он кричит им. Но тело не слышит.

— Это вопрос практики, — настаивал он. — Я работал с ветеранами Афганистана. Парни без ног бегали марафоны. Без рук писали картины. Все зависит от силы духа.

Сила духа. Опять эта мантра. Они все верили, что моя проблема в недостатке силы воли. Что если я просто постараюсь сильнее, захочу ярче, то смогу встать. Они не понимали, что моя воля intact. Цела. Проблема в проводе, который перерезан.

— Вы считаете, что я недостаточно стараюсь? — спросил я.

— Я считаю, что вы привыкли к роли жертвы, — ответил он честно, возможно, слишком честно. — Вам удобно, когда о вас заботятся. Вам нужно выйти из зоны комфорта.

Зона комфорта. Моя зона комфорта — это ад, господин Леруа. Моя зона комфорта — это больница, где мне меняют катетеры три раза в день. Где я не могу почесать нос, если он зачесался. Где я зависим от каждого глотка воды.

— Уходите, — сказал я.

— Что?

— Уходите. Вы свободны.

Господин Леруа вскочил, обиженный.— Вы совершаете ошибку, месье де ла Тур. Без дисциплины вы деградируете.

— Возможно, — согласился я. — Но я предпочитаю деградировать в тишине, чем слушать ваши лекции о силе духа.

Он вышел, хлопнув дверью. Хороший хлопок. Хотя бы немного эмоций.

Остался последний. Дрисс.

Магали вошла снова, на этот раз с выражением лица, которое можно было описать как смесь тревоги и любопытства.— Месье Филипп, следующий кандидат... он немного опоздал. И он... ну, вы сами увидите.

— Пусть войдет, — сказал я.

Дверь открылась, и в комнату вошел хаос.

Это был молодой человек, лет двадцати пяти-тридцати. Высокий, худощавый, одетый в дешевую спортивную куртку, джинсы с потертостями и кроссовки, которые видели лучшие дни. На голове — короткая стрижка, почти лысина. Лицо резкое, с высоким лбом и глазами, которые смотрели на мир с вызовом.

Он не вошел. Он ввалился.

— Извините за опоздание, — сказал он, не извиняясь. Голос был низким, с легким акцентом пригородных кварталов. — Пробки. Или нет, вру. Проспал.

Он подошел к кровати, не дожидаясь приглашения сесть. Посмотрел на меня. Прямо в глаза. Без жалости. Без страха. Без профессиональной маски.

Просто посмотрел.

— Ну и где тут работа? — спросил он. — Магали сказала, что нужно ухаживать за каким-то богачом. Ты что, сам есть не можешь?

Магали ахнула.— Месье Дрисс! Как вы смеете!

Я поднял бровь. Впервые за четыре года я почувствовал что-то, кроме скуки или раздражения. Я почувствовал удивление.

— Я не могу есть сам, — спокойно ответил я. — И ходить тоже. И в туалет ходить не могу. Так что да, работа есть.

Дрисс усмехнулся. Усмешка была кривой, насмешливой.— Звучит весело. А платят сколько?

— Пять тысяч евро в месяц. Плюс жилье.

Дрисс присвистнул.— Пять тысяч? За то, чтобы вытирать задницу богатому дяде? deal.

— Дрисс! — возмутилась Магали. — Немедленно извинитесь!

— За что? — пожал плечами Дрисс. — Я говорю правду. Вы хотите, чтобы я врал, что мне нравится ваша компания? Нет, спасибо. Мне нужны деньги. У меня семья. Шесть ртов, которые надо кормить. Если вы платите пять штук, я буду вытирать вам задницу хоть каждый час. Без вопросов. Без жалости.

Без жалости.

Эти два слова повисли в воздухе, как музыкальный аккорд.

Я посмотрел на него. Он не видел во мне пациента. Не видел во мне проект. Он видел во мне источник дохода. Работодателя. И ему было все равно, кто я такой, пока я плачу.

В этом было странное, извращенное освобождение.

— Магали, — сказал я, не отводя взгляда от Дрисса. — Оставьте нас наедине.

— Но, месье Филипп...

— Оставьте нас.

Магали колебалась секунду, затем вышла, плотно закрыв дверь.

Мы остались одни. Я и этот парень из гетто, который пах дешевым табаком и улицей.

— Почему ты здесь? — спросил я. — Тебе нужны подписи для пособия, верно? Магали говорила, что ты пришел просто ради формальности.

Дрисс удивленно посмотрел на меня. — Ты шустрый, дядя. Да, мне нужна подпись. Три отказа от работодателей, и государство даст мне пособие. Я думал, ты откажешь сразу. Типичный богатей, брезгливый. А ты... ты другой.

— Чем же я другой?

— Ты не боишься меня, — сказал Дрисс. — И ты не ждешь, что я буду тебя любить.

Он был прав. Поразительно прав.

— Мне не нужна любовь, Дрисс, — тихо сказал я. — Мне нужен помощник. Тот, кто не будет смотреть на меня как на стеклянную вазу. Тот, кто не будет сюсюкать. Тот, кто сделает свою работу и заткнется.

Дрисс усмехнулся снова. На этот раз усмешка была менее злой, более заинтересованной. — Заткнуться я умею. Работаю быстро. Грубо, но эффективно. Если тебе нужно, чтобы я таскал тебя в ванну, я буду таскать. Если нужно, чтобы я кормил тебя, я буду кормить. Но никаких соплей. Никаких «как вы себя чувствуете, месье Филипп». Ты платишь — я делаю. Deal?

— Deal, — сказал я.

Он протянул руку. Большую, мозолистую, с грязными ногтями.

Я посмотрел на свою руку. Бледную, тонкую, лежащую на белом одеяле. Я не мог пожать ее в ответ. Мои пальцы были неподвижны.

Дрисс заметил это. Он не отдернул руку. Не смутился. Просто опустил ее и кивнул. — Ладно. Значит, рукопожатий не будет. Будем считать, что договорились словом.

Он повернулся к двери. — Когда начинать?

— Завтра. В восемь утра.

— В восемь? Рановато. Но ладно. Ради пяти штук я готов встать и в семь.

Он вышел, оставив дверь открытой. Сквозь открытую дверь я увидел коридор, освещенный мягким светом бра. И впервые за долгое время этот свет не казался мне тюремным.

Я остался один. Тишина вернулась. Но теперь она была другой. Не пустой. Наполненной ожиданием.

Я посмотрел в окно. Дождь усилился. Капли стучали по стеклу, словно барабанная дробь.

«Без жалости», — повторил я про себя.

Звучало как обещание. Или как приговор.

Я закрыл глаза. Впервые за четыре года я не чувствовал себя одиноким в своей клетке. Клетка осталась. Хрустальная, холодная, непроницаемая. Но теперь в ней появился кто-то, кто не боялся разбить стекло.

И мне стало страшно. И интересно.

Я улыбнулся. Настоящей улыбкой. Не той, что для гостей. Не той, что для врачей. А той, что идет изнутри. Из той части меня, которая все еще была живой.

Завтра начнется новая жизнь. Жизнь без жалости.

Я надеялся, что выдержу.

Глава 2. Стеклянные двери

Париж не прощает ошибок. Особенно если ты родился не в том районе, с не той фамилией и с не тем цветом кожи.

Я вышел из ворот тюрьмы Флерри, щурясь от яркого осеннего солнца. Воздух пах выхлопными газами, жареным луком и свободой. Свободой, которая на вкус напоминала дешевый табак и металлический привкус страха.

За моей спиной захлопнулась тяжелая железная дверь. Щелчок замка прозвучал как финальная точка в главе, которую я предпочитал не перечитывать. Шесть месяцев. Полгода за драку, которая началась не по моей вине, но закончилась моим сроком. Типичная история для парня из Банлье. Если ты черный, если ты высокий, если у тебя нет адвоката — ты виноват. Точка.

На тротуаре меня ждала толпа. Мои братья и сестры. Адама, Бастиан, маленькие девочки, которые смотрели на меня большими испуганными глазами. И тетя Салима. Она стояла впереди всех, скрестив руки на груди, и ее взгляд был тяжелее, чем кандалы, которые я только что снял.

— Ты опоздал, — сказала она. Не «привет», не «как ты», не «мы скучали». Просто констатация факта.

— Автобус задержался, — соврал я, хотя шел пешком последние два километра, чтобы сэкономить на метро.

— У нас проблемы, Дрисс, — отрезала тетя. — Адил опять связался с теми ребятами из девятого округа. Школа требует денег за экскурсию. Электричество могут отключить на следующей неделе. А ты... ты просто гуляешь.

Я сжал кулаки. Ногти впились в ладони. Я хотел закричать. Хотел сказать ей, что эти шесть месяцев были адом. Что я спал на жесткой койке, ел резиновую кашу и слушал, как другие заключенные обсуждают, кого они убьют, когда выйдут. Что я боялся не за себя, а за них. За этих маленьких чертенят, которые смотрели на меня как на героя, хотя я был просто неудачником.

Но я промолчал. Крик ничего не изменит. Деньги изменят.

— Я найду работу, — сказал я глухо.

— Тебя никто не возьмет, — сказала тетя Салима, поворачиваясь к дому. — У тебя судимость. Иди домой. Помойся. Ты воняешь тюрьмой.

Я пошел за ними. Наш дом — это не дом. Это бетонная коробка в спальном районе, где стены такие тонкие, что слышно, как соседи чихают. Внутри было тесно, шумно и пахло жареным маслом. Младшие братишки бросились ко мне, обнимая за ноги. Я поднял их на руки, чувствуя, как внутри разливается тепло. Ради этого тепла я готов был продать душу дьяволу. Или хотя бы пойти на собеседование к богатею.

Мне нужна была подпись. Три отказа от работодателей, и государство даст мне пособие. Хватит на еду, на свет, на школьные принадлежности. Не на роскошь. На выживание.

Я нашел объявление в интернете, которое прислал мой друг. «Требуется помощник для ухода за инвалидом. Высокая оплата. Опыт не обязателен. Главное — чувство юмора и отсутствие предрассудков».

Звучало как ловушка. Но у меня не было выбора.

Особняк на авеню Фош выглядел так, будто его построили не люди, а боги, которым было скучно. Высокие кованые ворота, сад с идеально подстриженными кустами, фасад из белого камня, который сиял даже в пасмурный день. Я почувствовал себя грязным пятном на чистой скатерти.

Я нажал на кнопку домофона. — Да? — раздался женский голос. Холодный, как лед.

— Дрисс. На собеседование.

— Проходите.

Ворота открылись. Я вошел внутрь, стараясь ступать тихо, хотя мои кроссовки скрипели по брусчатке. В холле пахло цветами и деньгами. Настоящими, большими деньгами. Меня встретила женщина в строгом костюме. Магали. Она посмотрела на меня сверху вниз, оценивая мою куртку, мои джинсы, мою прическу.

— Вы опоздали на две минуты, — сказала она.

— Пробки, — соврал я снова.

— Пройдемте. Месье Филипп ждет.

Она повела меня по коридору, украшенному картинами, которые стоили больше, чем весь мой район вместе взятый. Мы поднялись на лифте. Лифт был бесшумным, плавным. Я чувствовал, как поднимается давление.

Кабинет Филиппа де ла Тура находился на втором этаже. Дверь была открыта.

Я вошел и замер.

Комната была огромной. Окна от пола до потолка. Вид на Париж. И посреди комнаты, на кровати, лежал он.

Филипп.

Он был бледным, худым. Его глаза были большими и темными, как омуты. Он лежал неподвижно, как кукла, которую забыли убрать в коробку. Рядом стояла сложная медицинская техника, но она не заглушала тишины.

Магали осталась в дверях. Я подошел ближе.

— Здравствуйте, месье де ла Тур, — сказал я, стараясь звучать вежливо.

Филипп посмотрел на меня. Его взгляд был пронзительным. Он изучал меня, как ученый изучает новый вид насекомого.

— Вы Дрисс? — спросил он. Голос был тихим, но четким.

— Да.

— Почему вы хотите эту работу?

Честность. Всегда лучшая стратегия, когда врешь всем остальным.

— Мне нужны деньги, — сказал я. — И мне нужна подпись, чтобы получить пособие.

Магали ахнула.

Филипп не моргнул. — И все? Вас не интересует моя личность? Мои интересы? Моя трагедия?

— У каждого своя трагедия, месье, — пожал я плечами. — Моя в том, что у меня нет денег. Ваша в том, что вы не можете ходить. Мы оба в дерьме. Разница только в том, в каком оно качестве.

Тишина повисла в воздухе. Магали выглядела так, будто вот-вот упадет в обморок.

Но Филипп... Филипп улыбнулся. Едва заметно. Уголок губ дрогнул.

— Вы грубы, — сказал он.

— Я честен, — ответил я.

— Честность — редкий товар в этом доме, — произнес Филипп. — Обычно мне врут. Говорят, как мне хорошо, как мне повезло, что я жив. Как они рады мне помогать.

— А вы им не верите?

— Нет.

Он помолчал, глядя в окно. — У вас есть опыт ухода за больными?

— Нет.

— Вы умеете менять катетеры?

— Нет.

— Вы умеете кормить с ложки, не проливая суп на простыни?

— Наверное, смогу научиться. Я быстро учусь.

Филипп повернул голову ко мне. — Почему я должен взять вас? Здесь очередь из профессионалов. Медсестер с дипломами. Психологов. Реабилитологов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.